

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	7
<i>Введение. Как расти в новой стране с долгой историей?</i>	11
<i>Глава первая. Детская литература в Советском Союзе</i>	28
Организационная структура	35
Жанровое разнообразие советской детской литературы	47
Архетипические герои и основные сюжеты	67
Заключение	76
<i>Глава вторая. Изменения в системе организации литературного процесса после 1991 года</i>	78
Реорганизация детского книгоиздания в новой России	81
Возникновение малых элитных издательств и новая детская литература	93
Книжные премии в XXI веке	101
Детские литературоведческие журналы	110
Заключение	124
<i>Глава третья. Массовая литература для детей и подростков</i>	126
Интерактивные книжки для самых маленьких	135
Нон-фикшн: полезные советы для детей и подростков и книги по сексуальному воспитанию	144
Легкое чтение: детективы для детей и подростков	155
Ужастики и детские триллеры	161
Научная фантастика и фэнтези	164
Заключение	170
<i>Глава четвертая. Новые голоса российской детской литературы</i>	172
Детская поэзия после 1991 года	176
Появление новой прозы для детей и подростков	189
Вторая волна: новая историческая проза	198
Современная подростковая проза	207
Заключение	219

<i>Глава пятая. Подростковая литература после 1991 года</i>	221
Советские книги о подростках	229
Первая волна прозы для подростков после 1991 года: изображение кризиса в обществе	240
Вторая волна литературы в жанре young adult: возникновение новой подростковой прозы	263
Заключение	275
<i>Глава шестая. В поисках читателя</i>	278
Российские дети (и особенно подростки) больше не читают	279
Детские библиотеки	286
Детские журналы	294
Книжные магазины	298
Книжные ярмарки	302
Детская литература и литература young adult: в интернете и на радиоволнах	305
Голоса детей и подростков	311
И взрослые, и дети	321
<i>Заключение</i>	323
Сложные задачи, стоящие перед современной русской детской и подростковой литературой.	325
Будущее российской детской и подростковой литературы	331
<i>Приложение I. Избранные произведения современной русской детской и подростковой литературы (1991–2017)</i>	333
<i>Приложение II. Статистические таблицы</i>	345
<i>Список литературы</i>	347
<i>Предметно-именной указатель</i>	354

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга писалась почти десять лет и не могла бы появиться без помощи и содействия множества коллег, библиотекарей и многих других людей, занимающихся детской литературой. В первую очередь мы должны поблагодарить всех пишущих и издающих детские и подростковые книги в России и за ее пределами. Писатели и издатели встречались с нами, чтобы обсудить свою работу, и их неоценимый вклад нашел отражение на страницах этой книги. Многие коллеги и друзья, в том числе Екатерина Асонова, Светлана Маслинская, Марина Аромштам, Анна Годинер, Наталья Медведь, Ксения Молдавская, Ольга Мязотс, Светлана Мицул и Татьяна Рудишина, помогли нашим исследованиям и внесли огромный вклад в книгу. Мы признательны библиотекарям, администраторам и библиографам Центральной городской детской библиотеки им. А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге, в которой проводились первоначальные исследования. Мы особенно благодарим Яна Адамчука и других библиотекарей-исследователей из Иллинойского университета в Урбане-Шампейне за помощь с нашими весьма настойчивыми, но не всегда четко сформулированными вопросами.

Мы бесконечно благодарны друзьям и коллегам, которые прочли рукопись и дали на нее содержательный отзыв: Сибелан Форестер, Энсли Морс, Саре Панкеньер Вельд, Дженни Каминер, Марии Майофис и Тее Розенберг. Их щедрые и непредвзятые советы вдохновили нас и улучшили книгу; за все упущения отвечаем только мы.

Между 2012 и 2019 годами мы представляли материалы из некоторых глав этой книги на заседаниях ежегодного

конгресса Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES), конференциях Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL), Ассоциации детской литературы (ChLA) и многочисленных конференциях в Москве и Санкт-Петербурге. Мы благодарны за предоставленные возможности, особенно — членам рабочей группы «Детство в Восточной Европе, Евразии и России» (ChEEEE), которые щедро делились с нами своими идеями. Большое спасибо Марине Балиной, Рахель Грин, Ларисе Рудовой, Мартине Винклер и Катерине Балистрери за то, что на протяжении всех этих лет они были настоящими соучастниками нашей работы.

Андреа Лану: Я благодарна Коннектикутскому колледжу за великодушное содействие этому проекту; большое спасибо Фонду поддержки исследовательской деятельности преподавателей имени Р.Ф. Джонсона, сотрудникам офиса декана, Библиотеке имени Чарльза И. Шейна и Фонду имени Элизабет С. Крудениер. Особая благодарность Лоре Литтл и Петко Иванову за неустанную поддержку; Эмили Элворд, Эшли Хэнсон и Эндрю Лопесу за постоянную помощь в исследованиях; моим бывшим студентам, теперь уже выпускникам, Нэйту Поупу, Кэйле Когл, Джоти Арви, Саше Вулф, Дагне Бильски, Таре Лоу и Элизабет Петерсен, с которыми я с удовольствием обсуждала русскую детскую литературу. Я также благодарю Карен Гонсалес Райс, чье своевременное замечание о художественной реакции на травму оказалось очень важным; Монику Лопес-Ануарбе за то, что она организовала группу взаимной поддержки для тех, кому надо было писать длинные тексты; Ирину Щемелеву за всю ее помощь во время исследовательских поездок в Санкт-Петербург; и Сузуко Нотт за ее поддержку и руководство Центром международного сотрудничества и гуманитарных наук (CISLA) на финальном этапе нашего проекта.

Особенно благодарю участников семинара 2013/2014 года в Центре Дэвиса (Центре российских и евразийских исследований) Гарвардского университета, где формулировались многие положения первой главы; а также Уильяма Миллса

Тогда III и Стивена Лассанда, позволивших мне присутствовать на их интереснейших семинарах, и Алисон Вудмен, у которой я останавливалась во время исследовательских поездок в Кембридж.

Спасибо моей семье — Веронике Лану, Биллу Лану, а также Крису, Эдриену, Дарии и Скарлет Колбат. Я бесконечно благодарна вам за ободрение и поддержку.

Келли Херолд: Я хочу поблагодарить за поддержку этого проекта Гриннельский колледж, библиотеку колледжа, его Институт международных проектов, комитет по поддержке преподавателей и их исследований и офис декана. Я очень благодарна Патти Дейл, Тревису Рэнзи, Кэрол Вер Плюг и Лоре Уилкокс, помогавшим с организацией исследовательских поездок в Россию и на Восточное побережье США. Многие студенты Гриннельского колледжа помогли мне в исследованиях, в том числе Сэм Берт, Стелла Гатски, Сара Ашбау, Бродин Микута, Питер Силлз, Эмили Родз и особенно Мейюко Майейда и Мария Чупка. Я благодарна моим коллегам Анатолию Вишевскому и Рахель Грин, часто заменявшим меня на занятиях и регулярно помогавшим мне видеть смешные стороны жизни. Спасибо моим родителям Алисе и Ричарду Херолдам, сестрам Кейт и Кэре, которые всегда поддерживали меня эмоционально и при необходимости помогали с детьми. Я бесконечно люблю вас. Я благодарю моего зятя Мойна Саэда, племянника Куинна, племянниц Пенелопу и Зару за то, что они сделали Сент-Пол домом вдали от дома. Мои благодарности Леониду Иванову за комментарии к первым черновикам, выпускнику Гриннельского колледжа и названому старшему брату моих детей Амиру Уолтону, помогавшему им, пока я была в отлучке. Я благодарна моему партнеру Филиппу Мозану, которому пришлось выслушать слишком много рассказов о русской литературе в жанре *young adult*, но который тем не менее всегда поддерживал мою работу. А без поддержки моих детей Анны и Илая Ивановых я не смогла бы написать ни слова. Им часто приходилось самим заботиться о себе, пока я была поглощена работой. Особая благодарность Анне за

помощь в работе с источниками и статистическими данными в Гарвардском университете. Анна и Илай, я так горжусь вами обоими!

Ольга Бухина: Благодарю Коннектикутский колледж за поддержку проекта перевода этой книги на русский язык. От всего сердца благодарю моего мужа Карстена Штруля за включенность в мою работу, за замечания на раннем этапе и постоянную помощь с английскими арктиками. Огромная благодарность моей маме Майе Фаддеевне Бухиной (1927–2022); особая благодарность моей сестре и соавтору по многим переводам и литературным проектам Галине Гимон; отдельное спасибо за помощь в переводе этой книги. Большое спасибо детям Галины: Тимофею, Илье (Ионе), Дмитрию и Соне Гимон. Особая благодарность Соне за оказанную в самую последнюю минуту помощь с иллюстрациями к английскому изданию. Без тебя и твоих братьев я никогда бы так глубоко не втянулась в детскую литературу.

Введение

КАК РАСТИ В НОВОЙ СТРАНЕ С ДОЛГОЙ ИСТОРИЕЙ?

После распада Советского Союза в 1991 году российским детям и подросткам два десятилетия регулярно повторяли, что они растут в совсем новой стране, в государстве, которое порвало с коммунистическим прошлым и входит в новую эпоху политического и экономического развития. Такое объяснение происходящего дети в России слышали не впервые: Петр I, Александр II, Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Михаил Горбачев и Владимир Путин — каждый из них возвещал, что поведет Россию новым путем. Такое развитие событий, безусловно, способствовало восприятию России как непредсказуемого игрока на международной арене, но очевидно, что Россия — не первая страна, переписывающая национальную историю. Склонность России к революционным переменам, однако, привела к тому, что национальный исторический нарратив, определяющий культурную ДНК страны, был уже не раз пересмотрен. Постоянное стремление переписывать прошлое не раз заставляло историков и исследователей русской культуры задумываться: почему перемены названий улиц, городов и даже самой страны совсем не обязательно приводят к переменам ценностей, установок и привычек ее обитателей? Утверждение, что люди теперь живут в совершенно новой стране, оказывалось, в свою очередь, немалой проблемой для тех, кто занимался воспитанием и образованием детей, будь то родители, учителя, писатели, библиотекари или министры просвещения. Необходимость объяснить детям, кто они, откуда они пришли и что является важным

для страны, где они живут, в любом случае непростой акт передачи культурных ценностей, но в случае быстрых социальных перемен решить эту задачу значительно сложнее.

Несмотря на то что российская история постоянно отнекалась от предшествующего политического устройства, в стране невероятно активно формировались новые культурные каноны. Революции требовали новых форм и таким образом обуславливали быстрое развитие новых знаний, художественного творчества и способов самовыражения. Резкие повороты на сто восемьдесят градусов, которые Россия пережила за последние триста лет, оказали немалое влияние на литературный процесс, породив реформы алфавита при Петре Первом в начале XVIII века, радикальные эксперименты в сфере литературных жанров в XIX веке и издание революционных детских книг в начале XX столетия¹.

Тот же инновационный импульс снова привел к созданию новых литературных форм для детей и подростков после распада Советского государства и социальных перемен, ознаменовавших разрыв между прошлым и будущим. Процессы, способствующие появлению новой литературы, протекали схожим образом: перемены в политической сфере провоцировали появление потока переводов западных текстов на русский язык. За этим следовала волна подражательной литературы, написанной по-русски, после чего возникли новые, самостоятельные литературные произведения. Подобное культурное развитие привело к появлению трудов Сумарокова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Цветаевой, Булгакова, Сорокина, Петрушевской; оно глубоко укоренено в системе постоянных политических взрывов и культурных разрывов между старым и новым.

¹ Сара Панкенгер Вельд помещает развитие советских авангардных детских книг в экологические рамки, утверждая, что их «экологическая ниша, или сфера обитания, возникла в 1920-х и 1930-х годах и пережила процессы эволюции, адаптации и, в конце концов, была уничтожена, столкнувшись с конкурирующими силами, в первую очередь, с возникновением цензуры». См.: *Weld S.P. An Ecology of the Avant-Garde Picturebook*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018. P. 5. (Если имя переводчика не указано, цитаты переведены мной. — *Примеч. пер.*)

Культурный сдвиг, возникший в результате окончания эпохи советского коммунизма, вызвал конфликт поколений невероятного размаха. Люди среднего возраста и старше, рожденные в СССР, провели свое детство в мире, которого больше не существовало. Их дети и внуки понятия не имели об очередях за продуктами, продуктовых карточках, коммунальных квартирах, обязательных экзаменах по марксизму-ленинизму или о коллективистских проектах построения светлого коммунистического будущего. Это столкновение миров особенно четко проявилось в новой литературе для детей и подростков, возникающей в сегодняшней России. Изначально создаваемая авторами, которые родились при социализме, эта литература постепенно пополнилась писателями, не испытывавшими жизни в Советском Союзе, чьи произведения для детей и подростков мало напоминали те, что были написаны и опубликованы в СССР. Персонажи книг больше не должны были быть истинными героями, им не надо было спасать друзей от неминуемой смерти, жертвовать собой ради общего дела или помогать солдатским семьям во время войны. Теперь они могли быть обычными детьми, пытающимися найти свое место в глобальном мире. Кроме множества формальных отличий — в выборе жанра, языка, героев, сюжета и даже длины предложений, — книги для детей и подростков, опубликованные после 1991 года, несли в себе принципиально новые представления о детях и о самом детстве.

В этой книге мы поставили перед собой цель проследить возникновение нового корпуса литературы для детей и юношества, появившейся после приватизации издательского дела в 1990-х годах и последующего создания малых, «элитных» издательств в 2000-х и 2010-х годах. В 1990-х огромный поток переводной западной литературы (преимущественно англо-американской, французской, немецкой и скандинавской) познакомил читающую публику, у которой до того был достаточно ограниченный опыт такого чтения, с новыми литературными формами. Эти новые формы включали интерактивные книжки для малышей, детские детективы, книги, посвященные сексуальному воспитанию, перепечатки

западных изданий, например продукции компаний «Дисней» и «Барби» или серии «Мой маленький пони», не говоря уже о глобальном феномене Гарри Поттера. Такое развитие событий привело в ужас многих представителей культурной элиты, однако миллионы взрослых в России тут же принялись покупать эти книги своим детям в надежде, что у тех будет детство, какого никогда не было у них самих. Вслед за обилием переводов и массовой литературы для широкой публики начали появляться и оригинальные произведения художественной литературы. Они изображали жизнь современных детей, стараясь честно отразить всю ее сложность и многогранность. Эта новая литература стремилась представить детство уязвимым, трудным и даже опасным временем в жизни человека, показать столкновение детей и молодежи с жестокостью, бедностью, заброшенностью, алкоголизмом, бездомностью, моральными проблемами, сексуальными домогательствами. Даже в самых оптимистических произведениях, опубликованных после 1991 года, — тех, что в советском стиле продолжали прославлять детство как счастливую пору творческого развития и открытости к новому, — авторы детских книг относились к своим читателям-детям как к активным, полноценным личностям, а не как к пассивным потребителям положенной, предписанной государством информации. Основопологающей чертой новой литературы, достигшей зрелости всего за пару десятков лет, стали именно огромные изменения в изображении детей и подростков.

Значительные перемены как в трактовке героя, так и в представлениях о читателе российской детской литературы после 1991 года отражали перемены в представлениях о детстве и детях в целом. За последнее столетие и в России, и в других частях света опыт детства — особого периода в развитии человеческой личности — изменился радикальным образом. Прошло то время, когда дети с восхода до заката трудились на фермах и фабриках или помогали по хозяйству; детство в XX веке стало временем игры, обязательного школьного образования и защищенности со стороны закона. В России все эти изменения обеспечивались

советскими преобразованиями общества, и литература, возникшая в то время, являла собой плодородную почву для изучения особенностей социализации, образования и защиты детства в условиях советской власти. Те книги, которые были опубликованы после 1991 года, тоже отражали значительные изменения в обеспечиваемом государством уходе за детьми, школьной культуре и воспитании детей, возникшие после падения коммунизма. Тем не менее социологическая составляющая этих текстов интересовала нас в меньшей степени: мы не стремились исследовать то, как изменения в российском обществе отражались в книгах для детей, хотя такой проект был бы очень интересен сам по себе. В нашем случае мы предполагали рассматривать новую литературу для детей и подростков с трех разных точек зрения: во-первых, исследуя порождающую ее книжную индустрию, во-вторых, выявляя ее формальные особенности, и в-третьих, изучая ее читателя. Кроме того, мы стремились лучше понять возникшие за очень короткое время новые представления о детях и детстве.

Неудивительно, что наш собственный опыт, профессиональные знания и исследовательские интересы в большой степени повлияли на то, какой получилась эта книга. Одна из нас — переводчица, автор и специалист по современной детской литературе — родилась и долго жила в Москве, пока не переехала в Нью-Йорк (Ольга Бухина), а две другие — американские исследовательницы, защитившие диссертации по славянским языкам и литературе в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе и теперь преподающие в американских колледжах (Андреа Лану и Келли Херолд). Несмотря на то что для всех трех профессиональная работа с текстами весьма привычна и в этой книге литературный текст является основным объектом анализа, у каждой из нас был свой особый интерес в этом исследовании. Формирование литературного канона, популярная культура, изучение институциональной структуры книжной индустрии, специфика детского чтения, исследование жанровой структуры детской литературы, формальный литературный анализ — все эти и многие другие темы с самых первых встреч в 2011 году стали предметом

жарких дискуссий, сразу же выявивших общие интересы¹. С тех пор мы предприняли десяток исследовательских поездок в Россию, записали более сорока интервью с писателями, издателями, библиотекарями, библиографами и владельцами книжных магазинов. По отдельности и вместе мы читали бесчисленное количество современных, написанных по-русски книг для детей и подростков, собирали необходимые материалы в детских библиотеках (а также на книжных ярмарках, в книжных магазинах и на разнообразных сайтах), изучали научную и справочную литературу в библиотеке Гарвардского университета, библиотеке Университета Иллинойса в Урбане-Шампейне, в Российской государственной библиотеке в Москве и Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Эта книга — результат совместных занятий любимым делом, не говоря уже о долгих часах обсуждений и споров. Несмотря на разнообразие наших интересов и различие подходов к работе над проектом, нас объединяли сходные взгляды на предмет исследования: во-первых, понимание того, что сочетание исторического, институционального и формального подходов — наилучший способ в полноте исследовать сложнейшую область художественной литературы и книжной индустрии, во-вторых, признание необходимости серьезного обсуждения как переводов, так и книг для массового чтения, поскольку в России эти произведения оказались совершенно необходимыми для развития новой художественной прозы для детей, и в-третьих, интерес к тому, что думают сами дети и подростки, поскольку для понимания детской литературы в современной России их мнение чрезвычайно важно, не менее важно, чем в любую предыдущую эпоху и в любом другом культурном контексте. Сам по себе особенно существенен тот факт, что миллионы детей в России ежедневно читают для удовольствия, хотя родители и учителя не считают этот процесс чтением,

¹ Идея этой книги родилась на секции по русской детской литературе ежегодного конгресса Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований в Новом Орлеане в 2011 году.

поскольку дети читают с экрана тексты и материалы, которые взрослые не признают заслуживающими внимания. Одним из важнейших уроков, полученных нами в процессе работы над книгой, было понимание того факта, что поведение людей и отражение этого поведения в материальной культуре и публичном дискурсе — это совершенно разные вещи. Это, конечно, прекрасно известно тем, кто исследует культурное наследие, но мы часто забываем об этом, когда обращаемся к изучению самой недавней истории.

Несмотря на решительные утверждения ученых мужей, критиков и деятелей культуры, что «дети больше не читают», именно активная вовлеченность детей в функционирование постсоветского культурного рынка наилучшим образом демонстрирует их способность влиять на его развитие. Отношение к приватизации и росту потребительских потребностей в России глубоко неоднозначно, и мы не собираемся в этой книге восхвалять посткоммунистический глобальный капитализм. Необходимо, однако, подчеркнуть, что социальная позиция детей и подростков как потребителей очень сильно повлияла на то, какими авторы, издатели и издательские отделы продаж видят этих детей в контексте их собственного общества, не говоря уже о влиянии на книгопроизводство представлений детей и подростков о самих себе и своих возможностях. Хорошо это или плохо, но в сегодняшней России идея развлекательности и получения удовольствия от приобщения к культуре оказалась нацеленной на молодежь и явилась целью молодежи — в противоположность десятилетиями провозглашаемому упору на моральные обязательства и долг. Чтение для удовольствия и желание провести время в обществе литературного произведения, будь то книга, рекомендованная другом, или текст, обнаруженный в интернете, отражают способность читателя к активным действиям. Тем, кому подобные занятия кажутся признаком легкомыслия, стоит обратить внимание на очень молодые лица тех, кто выходил на улицы и рисковал быть арестованным ради того, чтобы их голос был услышан.

Эти размышления привели к тому, что мы решили обратиться к текстам, которые сначала не планировали делать

предметом исследования, то есть к произведениям, читаемым многими «макулатурой»: коммерческим изданиям, массовой и жанровой литературе (детективам, фантастике, приключениям и тому подобному). Нам стало ясно, что невозможно только анализировать тексты и обсуждать исключительно высоко оцениваемые художественные произведения и при этом во всей полноте охватить те огромные изменения, которые произошли с детской литературой за последние три десятилетия. Изучение куда более широкого спектра произведений подтвердило наше понимание того, что именно взаимосвязанность развития относительно примитивных и высокоинтеллектуальных текстов оказалась центральной в формировании литературного канона¹. Подобное взаимодействие может происходить многими путями, и в последующих главах мы будем обсуждать три такие возможности: 1) массовые жанры служат «песочницей», где могут возникнуть куда более сложные произведения; 2) жанровая литература приучает читателя к новому типу героев и подготавливает читательскую аудиторию к принятию новаторских текстов; 3) массовая литература до такой степени заполняет рынок, что это вызывает общественный протест против пагубного состояния культуры и отсутствия «качественной литературы».

Последний момент оказался особенно важен в случае постсоветской России, где возобновление интереса к популярной и жанровой литературе породило целое поколение читателей, что позволило писателям, склонным к более серьезным жанрам, разрабатывать новые направления при создании литературных текстов. Тем, кто занимается культурологическими исследованиями, выражение «литературный текст» может показаться слегка устаревшим, однако литература в России — и под этим мы понимаем художественные

¹ Новаторское исследование Пьера Бурдьё «Различение: социальная критика суждения» (1979) описывает различие между высокой и низкой культурой как основанную на классовой принадлежности систему, которая приводит к подчинению тех, кто относится к более низкой социально-экономической группе и вынужден принимать доминирующие эстетические стандарты, установленные социальными элитами.

тексты, обладающие высокой эстетической и культурной ценностью, — остается важной частью создания культурного продукта. Если учесть подавление гражданского общества в имперскую и советскую эпохи, становится понятно, почему литература в России в течение двух последних столетий служила влиятельным полем гражданских и моральных дебатов. Тексты для детей и подростков, опубликованные за последние три десятилетия, продолжали обсуждать волнующие российское общество вопросы: что происходит с семьей, образованием и конфликтом поколений в постсоветской России; эти тексты обращались к юным читателям как к гражданам глобального мира.

Несмотря на то что детская литература — это та область исследований, которая особенно страдает от дискриминационных, устаревших и предвзятых взглядов, произведения, написанные для детей и подростков, невероятно важны для того, чтобы лучше понимать передачу культурных ценностей, социализацию молодежи и влияние стремительных социальных перемен на последующие поколения. Большинство тех, кто живет в Соединенных Штатах, мало знает о переменах, происходивших последние три десятилетия в российском обществе, отчасти потому, что после окончания холодной войны Россия почти исчезла со страниц американской печати. Как только Россия под властью Путина стала утверждать себя на международной арене, в западных средствах массовой информации снова появились устаревшие стереотипы, отсылающие читателя к периоду холодной войны. В ситуации постоянного обсуждения российского авторитаризма, коррупции и имперских амбиций куда более интересные и менее заметные культурные изменения оставались без внимания. Невозможно, да и не нужно отрицать политический контекст, однако очень важно было попытаться понять культурный расцвет в области российской литературы для юных читателей.

Поразительные различия между новой российской детской литературой и ее эквивалентом советской эпохи не должны никого удивлять — после 1991 года российская книжная индустрия изменилась радикальным образом. Определяемая

рыночными законами, а не централизованной экономикой, современная детская литература явилась порождением совершенно иной инфраструктуры и иного социального контекста. В результате повторяющегося цикла финансовых крахов 1990-х годов, которые привели миллионы семей с детьми к тяжелейшим материальным потерям, произведения для детей и подростков, которые начали публиковаться после окончания советского периода, сразу же перестали изображать детство исключительно счастливой порой. Тяжелейшие условия существования в 1990-х годах огромного, никому точно не известного числа детей и отражение этих тягот в произведениях того времени напоминают нам, что распад государства — это жестокий, травматичный процесс, который по большей части сказывается именно на тех, у кого меньше всего власти, в частности на детях. Однако, успешно разоблачая советский миф о счастливом детстве, создатели новой литературы не отказались от продолжения русских литературных традиций как таковых: они обсуждали сложнейшую российскую историю с той прямотой, которой недоставало государственным школьным программам, честно и достоверно описывая развал государственных, в том числе и школьных, структур. Многие современные детские авторы в своих книгах прямо цитировали произведения советской эпохи и дореволюционной классики, таким образом помещая самих себя в рамки живого русского литературного канона¹. Эти авторы включали в свой репертуар такие популярные в мире жанры, как литература *young adult*, но считали себя частью русской традиции, которая всегда сразу же отзывалась на присущие каждому времени социальные болезни. Такая ситуация отражала давние споры, начавшиеся еще в середине XIX столетия, когда славянофилы и западники постоянно обсуждали взаимодействие явных

¹ Советская литературная классика, например «Республика ШКИД» Григория Белых и Леонида Пантелеева, «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара, «Дорога уходит в даль...» Александры Бруштейн, часто упоминаются в современных текстах для детей наряду с такими произведениями XIX века, как сказки Александра Пушкина, «Черная курица» Антона Погорельского и «Детство» Льва Толстого.

внешних влияний на культурное развитие России и более самобытных отечественных течений¹.

Важным аспектом постсоветской литературы для детей и подростков являлась ее прямая переключка с тенденциями развития детского книгоиздания 1920-х годов. Оба эти периода характеризовались тем, что замена, каждый раз на противоположную, умирающей политической системы представляла снова и снова обсуждать тему детской социализации и роль литературы в этом процессе. Революционная литература 1920-х и революционная литература 1990-х годов оказались крайними точками советского эксперимента, поскольку знаменовали собой начало и конец государственного проекта по достижению социального равенства путем воспитания в духе коллективизма. Это утопическое видение поначалу выглядело удивительно светлым и невероятно радужным, но под конец мучительно выцвело. В 1920-х годах взрослые, представлявшие себе детей природными коллективистами и будущими коммунистами, видели иные исторические перспективы, нежели взрослые в 1990-х и начале 2000-х годов, когда эти взрослые оказались свидетелями огромного ущерба, причиняемого детям тем самым государством, которое утверждало, что воспитывает и защищает их. Если писатели 1920-х годов считали детей «сырым материалом», который можно лепить по государственному образцу и подобию, то те, кто творил в 1990-х, прожили достаточно внутри советского эксперимента и на себе испытали его принудительную силу; они воспринимали детей носителями перемен, теми, кто сможет построить новую страну на обломках провалившейся советской идеи². Как и многие другие

¹ Даже вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», которые подпитывали развитие культуры в России с 1860-х годов, начиная с публикации романов Николая Чернышевского «Что делать?» (1863) и Александра Герцена «Кто виноват?» (1866), отзываются в подростковых произведениях Екатерины Мурашовой и Мариам Петросян, опубликованных в 1990-х и 2000-х годах.

² Марина Балина писала о детях начала советской эпохи: «Эти дети действительно стали „детьми государства“. У них не было семейных связей, часто им ничего не было известно о своем происхождении. Они явились тем самым столь необходимым сырьем, той самой человеческой *tabula*

взрослые авторы детских книг, писатели начала и конца советской эпохи были склонны подниматься на борт корабля политических перемен со своим собственным багажом.

В самом начале советского периода на радикальные перемены в детской литературе повлиял такой фактор, как изменение отношения к классовому неравенству, капитализму и потребительской культуре. Утопические цели создания бесклассового общества в большой степени сформировали представление о детях как о фундаменте будущего. Дети — герои советских детских текстов — часто воплощали линию партии на социальное равенство; их бескорыстные действия создавали живые модели еще не воплотившегося будущего. По контрасту с этим, в постсоветскую эпоху бесконечное обсуждение зарождающегося, но еще не вполне родившегося среднего класса продолжало формировать социальный дискурс. Некоторые надеялись, что стоит этой социальной силе — среднему классу — полностью сформироваться, как она стабилизирует страну и экономически, и политически. Эта надежда находила отражение в современных детях — героях книг, многие из которых принадлежали к семьям среднего класса: это были дети из русскоязычных, преимущественно русских городских семей, в которых работали оба родителя. Новые герои искали возможности для самовыражения и стремились найти свое место в мире; такой поиск сам по себе относится к ценностям среднего класса. Произведения для детей, опубликованные после 1991 года, по-новому передавали внутренний голос ребенка, они изображали детей и подростков личностями, которые прежде всего хотели сами определять свою жизнь. Появление в середине 1990-х годов интернета также самым серьезным образом повлияло на детскую литературу, предоставив детям доступ к новым формам самовыражения в онлайн-пространстве и поощряя детский и подростковый культ потребления.

gasa, на которой Советское государство могло бы изобразить прекрасное и счастливое будущее» (*Balina M.* «It's Grand to Be an Orphan!» Crafting Happy Citizens in Soviet Children's Literature of the 1920s // *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style* / Eds. M. Balina, E. Dobrenko. London: Anthem Press, 2009. P. 103).

Эти существенные изменения в обществе все вместе сформировали новое содержание, стиль и интонацию детских текстов, написанных после 1991 года, — это была прекрасная иллюстрация того, насколько разные политические и экономические системы по-разному выстраивают свое отношение к детям как представителям рода человеческого, гражданам своей страны и гражданам всего мира.

Возрождение детской массовой литературы в последние десятилетия шло вразрез с тем, что, как считают некоторые, являлось единственной достойной сохранению частью советского наследия: «хорошими» книгами, которые учили правильной морали и правильным ценностям, подобающему социальному поведению, сочувствию и умению быть настоящим другом. Как бы ни хотелось многим интеллектуалам забыть об этом, «западный мусор», хлынувший в Россию после 1991 года, стал движущей силой в развитии новой детской и подростковой литературы. Ошибочное, но часто повторяемое утверждение, что «детям нечего читать», в действительности указывало на важнейший процесс культурного обновления, стряхнувшего пыль с раннесоветских и дореволюционных правил игры. Рецепт появления новой литературы — сначала перевести с других языков, потом опубликовать подражательную массовую литературу, следом за этим написать книги, которые будут отражать современные социальные проблемы, свергнуть правительство, начать все сначала — верная и проверенная формула создания чего-то «совершенно нового», которой снова и снова следовали социальные элиты.

Обновлению литературных канонов может также препятствовать стойкость предыдущих, например канона советской детской литературы, а также упорство давно укоренившихся идей, таких как мышление времен холодной войны. И советский детский канон, и образ мыслей, присущий холодной войне и отраженный в значительной части канона, продолжали влиять на то, что происходило в российской культуре, вследствие чего современным детским писателям порой нелегко было найти своего читателя. При всем разнообразии и отличном качестве новых, написанных по-русски книг для

детей и подростков миллионы мам и пап, бабушек и дедушек, не говоря уже о министерстве просвещения, предпочитали обожаемую ими классику советской эпохи. В свое время, не смотря на труднейшие экономические условия, большевики, при помощи исходящих от государства указаний, оказались способны создать новую детскую литературу всего за пятнадцать лет, однако сегодняшняя децентрализованная система, состоящая из небольших элитных издательств, активистов и писателей (многие из которых не получали вознаграждения за свою работу), неровня прекрасно финансируемой машине, включавшей в себя Союз советских писателей и огромные государственные издательства. За время существования советской власти в производство детской литературы были вложены гигантские ресурсы и энергия, не говоря уже о творческом потенциале и умелой координации процесса. Неудивительно, что произведения, созданные в этой системе, продолжают жить полной жизнью и находят отклик у читателя через много лет после исчезновения создавших их государственных образований.

Постсоветский период служил не только идеальным контекстом для исследования нового корпуса литературы, выдвигающей на первый план иные представления о детях и подростках, но и идеальным фоном для изучения того влияния, которое оказывали на социализацию подрастающего поколения становление рыночных отношений и неоднократные экономические кризисы. И хотя последствия распада Советского Союза все еще продолжали ощущаться, новые веяния в книжном рынке для детей и подростков проливали свет на многие вопросы, связанные с гражданским воспитанием детей. Ключевой вопрос, который мы обсуждаем в этой книге, заключается в том, является ли революционная парадигма российской истории — повторяющееся утверждение, что россияне опять стали новыми гражданами новой страны, — отражением устойчивого процесса культурного обновления или это поистине гениальная стратегия, позволяющая навеки сохранить глубоко укорененные культурные ценности, политические институты и социальные практики в общественном организме, который на